

Дмитрий Полинюк

**Научное
путешествие
в Конго,
в Центральную
Африку**

Дмитрий Полинюк

**Научное путешествие в Конго,
в Центральную Африку**

«Издательские решения»

Полинюк Д.

Научное путешествие в Конго, в Центральную Африку /
Д. Полинюк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933417-6

Сколько я себя помню, я всегда была герпетологом. Моя мама как-то сказала, что понятия не имела о том, кто такие герпетологи, до тех пор пока не стала матерью одного из них. Меня часто спрашивают, откуда у меня взялся интерес к змеям и крокодилам. На что я отвечаю, что в детстве почти все интересуются рептилиями и земноводными, но у большинства это проходит годам к одиннадцати.

ISBN 978-5-44-933417-6

© Полинюк Д.
© Издательские решения

Научное путешествие в Конго, в Центральную Африку

Дмитрий Полинюк

© Дмитрий Полинюк, 2018

ISBN 978-5-4493-3417-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сколько я себя помню, я всегда была герпетологом. Моя мама как-то сказала, что понятия не имела о том, кто такие герпетологи, до тех пор пока не стала матерью одного из них. Меня часто спрашивают, откуда у меня взялся интерес к змеям и крокодилам. На что я отвечаю, что в детстве почти все интересуются рептилиями и земноводными, но у большинства это проходит годам к одиннадцати. Остальные становятся герпетологами. Я была помещена на лягушках и змеях задолго до того, как впервые в жизни увидела настоящую змею. Это случилось в июле, когда мне было пять лет, на берегу озера Онтарио. Я плескалась в воде, сидя на автомобильной крышке, а моя двухлетняя сестра, вооружившись дуршлагом, пыталась наполнить крышку водой. Она не заметила, как зачерпнула североамериканского ужа, *Nerodia sipedon*, и вывалила его мне на ноги. Я завизжала, а змейка, которая, должно быть, испытала не меньший шок, тут же скрылась в воде. Наша уравновешенная няня отругала меня за то, что я подняла такой визг из-за какой-то ерунды, ведь я уже большая девочка. Со временем я полюбила змей, а уж, моя первая змея, и по сей день остается моим любимцем.

И вот двадцать лет спустя я лечу в самолете над Сахарой на высоте 12 тысяч метров. Путь мой лежит в Браззавиль. Теперь я уже почти профессиональный герпетолог: я учусь в аспирантуре Гарвардского университета, пишу диссертацию о ядовитых змеях. Когда мне предложили поехать в недавно созданный заповедник в Центральной Африке для проведения герпетологического исследования, я тут же ухватилась за этот шанс. Об амфибиях и рептилиях Центральной Африки известно очень немного, и мне предстоит работать в районе, находящемся за сотни километров от тех мест, где когда-то проводились подобные исследования. Несмотря на долгий перелет, который начался еще в Бостоне, я была настолько взволнована, что за всю дорогу не сомкнула глаз. Город Браззавиль – столица республики Конго, бывшего Французского Конго, успокаивала я родителей в течение всего последнего месяца. Это совершенно другое государство, а вовсе не то Конго, которое называется Демократическая Республика Конго, то есть бывший Заир. То Конго, в которое еду я, – это относительно безопасная и политически стабильная страна в Центральной Африке. Конечно, я не стала сообщать близким о некоторых других опасностях. Укус ядовитой змеи в отдаленном районе может оказаться смертельным, а я не везу с собой никаких противоядий (в частности, потому, что использовать их в полевых условиях небезопасно). Так погиб один мой коллега: укус детеныша змеи, неправильная идентификация, медицинская помощь оказана слишком поздно – и человека не стало. Следующий момент – болезни, о которых я читала: малярия, желтая лихорадка, речная слепота (онхоцеркоз), лихорадка Эбола. К тому же в Африке мне предстоит встречаться с людьми, у которых могут быть вообще неизвестные современной медицине заболевания. Есть там и черви, которые проникают в плоть и потом ползают под кожей. И конечно, люди, которые порой бывают опаснее любого зверя. Есть опасность стать жертвой изнасилования в стране, где уровень заболевания СПИДом крайне высок. При одной только мысли об этом сразу думаешь, что ни в коем случае нельзя задерживаться в большом городе. Так почему я вообще отправилась в эту поездку? Дело в том, что мне 25 лет, я чувствую себя неуязвимой и жажду увидеть

змей, которых я так долго изучала в университете, в их родной среде обитания. Опасности меня не пугают – я вообще ничего не боюсь! Мой багаж потерялся в пути. Это случилось еще между Бостоном и Нью-Йорком. Он состоит из больших картонных коробок, набитых различными приспособлениями для поимки, умерщвления и консервации лягушек, ящериц и, самое главное, змей. Я предпочла бы не убивать их, но, поскольку животные этого региона до сих пор мало изучены, чтобы идентифицировать виды, нужно доставить образцы в лабораторию, где их можно детально изучить и сравнить с ранее собранными экземплярами. У меня не было никакого справочника, по которому я могла бы подготовиться к поездке. Мне приходилось часами просиживать в Музее сопоставительной зоологии

Гарвардского университета, где на бесчисленных полках стояли банки с заспиртованными рептилиями. Я разглядывала содержимое какой-нибудь банки, на которой не было никаких надписей, кроме «Заир, 1953 год», и думала о том, увижу ли я когда-нибудь живой вариант этого старого, выцветшего образца. На последнем отрезке путешествия наш большой авиалайнер практически пуст. Несколько африканских бизнесменов расположились почти в самом хвосте, слева от меня сидит супружеская пара. Женщина всматривается в иллюминатор, хотя солнце еще не взошло, и за бортом так темно, что практически ничего нельзя разглядеть. Прямо передо мной сидят несколько престарелых бельгийских монахинь. Похоже, их средний возраст лет восемьдесят пять. И что им не сидится дома? Одна из них роняет очки между сиденьями, я ползаю по полу и ищу их. А потом нам пришлось поволноваться. Наш самолет идет на посадку, но не в Браззавиле. По неизвестной нам причине мы садимся в Киншасе, городе, который географически находится недалеко от Браззавиля, на другом берегу реки Конго, но очень далеко в политическом плане, так как является столицей Демократической Республики Конго. Видно, что бортпроводники нервничают. Мой сосед фотографирует свою жену. Стюардесса страшно переживает: если увидят вспышку фотоаппарата, говорит она, то подумают, что кто-то фотографирует аэропорт, и тогда нас всех выведут из самолета. Мы целый час стоим на площадке перед зданием аэропорта в Киншасе, и лишь на рассвете, так и не получив никаких разъяснений, взлетаем и через пять минут садимся в Браззавиле. Мы все вздыхаем с облегчением. Я никогда не была в Африке. Хорошо еще, что в Торонто я училась в школе с углубленным изучением французского языка, здесь мне это очень пригодится. Я пробираюсь по душному зданию аэропорта, где царит невообразимый хаос. К моей радости, мой багаж нашелся! Две приветливые женщины в ярких ситцевых платьях и таких же платках на голове рисуют мелом крест на моих коробках, и я прохожу через таможню. Я должна присоединиться к небольшой группе исследователей на севере страны, но сначала я нахожу дешевую гостиницу и трачу четыре дня на то, чтобы купить необходимые вещи, которые не привезла с собой из Америки: формалин, этанол, пластиковые ведра, лопату, проволочную сетку. На четвертый день моего пребывания в Браззавиле я снова сажусь в самолет и лечу в самый северный город Конго. Отсюда я отправляюсь в семичасовое путешествие на пироге с подвесным мотором вверх по притоку реки Конго. В Центральной Африке реки – это главные транспортные артерии. Мои попутчики-конголезцы занимают сиденье в середине лодки, а я обильно намазываюсь солнцезащитным кремом и устраиваюсь на мешке с мукой из маниоки на носу лодки. Нежась на солнце, я предаюсь мечтам и разглядываю лес, растущий по обеим сторонам реки, мне не терпится попасть в него и узнать, какие животные там водятся. Меня охватывает волнение, когда уже после захода солнца мы наконец добираемся до базового лагеря, разбитого по соседству с деревней пигмеев. Исследователи встречают нас на илистом берегу, со всех сторон сыплются вопросы, откуда-то доносятся звуки радио. Оказывается, в тот день, когда наш самолет готовился к взлету, в Браззавиле произошел государственный переворот. Город превратился в зону боевых действий. На улицах лежат тела убитых. По супермаркету, в котором я только вчера делала покупки, кто-то стрелял из гранатомета. В стране разгорается гражданская война. В последующие дни посольства в Браззавиле эвакуируют своих граждан. Рассудив, что

наша глушь не может представлять интереса ни для одной из политических группировок, мы решаем остаться. На всякий случай мы все таки устанавливаем правила безопасности и разрабатываем план действий в условиях чрезвычайной ситуации: никто не должен покидать лагерь более чем на один день; при необходимости мы выводим из строя старый ржавый грузовик, закапываем радио (наш единственный канал связи с внешним миром) и уходим в лес, взяв с собой припасы на несколько дней. Наша главная проблема – отсутствие связи. До переворота у нас была возможность связаться по радио с офисом в Браззавиле, откуда можно было передать информацию в любую точку мира по телефону или по электронной почте. Но теперь людей в офисе нет. Мы надеемся, что они живы. Здание разрушено (я больше не увижу свой паспорт, который я оставила там на хранение). О том, что происходит в стране, мы узнаем из выпусков новостей службы Би-би-си по радио, но по мере того, как интерес к гражданской войне в Конго постепенно угасает, сообщения о том, где конкретно идут военные действия, становятся все менее подробными. Но я приехала сюда не просто так, а по делу. Мне выделяют место в хижине. Там есть стол и полки, на которых я раскладываю свои вещи: марлю, закрывающиеся пластиковые пакеты, лампы и батарейки, бирки, специальные крюки и щипцы для змей, фотоаппарат, блокнот. Я смешиваю формалин и этанол, купленные в Браззавиле, и готовлю раствор. Здесь же изготовленные специально по моей просьбе мешочки для змей. Наверное, я единственный герпетолог в мире, у кого есть мешочки для змей, к которым с внутренней стороны пришиты ярлычки с надписью «От бабушки с любовью». Первые несколько дней я провожу рядом с лагерем, планируя совершить более дальние вылазки, когда начну лучше ориентироваться в лесу. Я захожу к первой змее однажды утром, во время отдыха за чашкой кофе. В лагерь прибегает пигмей и истуканно кричит, что в деревне змея. Я вскакиваю и бегу за ним следом. Деревенские жители плотным кольцом обступили дерево у одной из хижин. Корни дерева оплела коричневатая-серая змея почти в метр длиной. Я подхожу к ней, прикидывая, как лучше распутать эту ядовитую змею, чтобы снять ее с корней дерева, но, когда я оказываюсь совсем близко, я узнаю ее по характерным чешуйкам на голове. Это домовая змея, *Lamprophis*, совершенно безобидное существо. Я изучала таких змей, когда готовилась к поездке. Одну из них я даже вынимала из банки с формалином, чтобы получше ее рассмотреть. Самый простой способ распутать эту змею – это позволить ей укусить меня за правую руку. Это на некоторое время зафиксировывает ее голову, и я смогу распутать ее левой рукой. Но когда я протягиваю к ней руку, в толпе наблюдателей вдруг раздается пронзительный крик: «Мадам умрет!» Разумом я осознаю, что змея не ядовитая. Но здесь, в совершенно незнакомой обстановке, я вдруг начинаю сомневаться. Правда, это длится всего несколько мгновений. Я наклоняюсь к змее, и ее челюсти впиваются мне в запястье. Пигмеи в ужасе кричат. Я распутываю змею, отцепляю ее от руки и запихиваю в мешок. Пигмеи наблюдают за происходящим с благоговейным страхом. Они думают, что все змеи ядовиты, и никакие мои аргументы не могут разубедить их в этом. Они решили, что я колдунья, обладающая особой властью над змеями. Змей они боятся, но еще больше они боятся колдунов. То, что я прослыла колдуньей, приводит к крайне неприятным последствиям. Пигмеи отказываются сопровождать меня в лесу, и мне приходится нанять двоих из них в качестве помощников. Позже я узнаю, что начальник лагеря подгоняет рабочих, говоря, что если они не будут стараться, он попросит колдунью и она заколдует их. Во время своей первой вылазки я отправляюсь в лагерь в 45 километрах от нашего лагеря. Проводники мне достались на редкость бестолковые и тяжелые в общении. Я предпочла бы одиночество компании угрюмого Бакембе и не в меру игривого молодого Дада, но они умеют ориентироваться в лесу, а я нет. К тому же работать в одиночку в условиях, когда в любой момент может возникнуть чрезвычайная ситуация, запрещено. Я не привыкла иметь слуг, это довольно тяжело, так как мне приходится придумывать, чем их занять в течение дня. Я должна научиться быть руководителем, а не другом. Положение усугубляется тем, что пигмеи привыкли работать с биологами, занимающимися приматами. Те

встают рано, целый день делают наблюдения и ложатся спать после захода солнца, что является привычным распорядком дня для пигмеев. Но у герпетолога совсем другой режим. Утром, пока солнце не прогреет лес и змеи и ящерицы не начнут шевелиться, герпетологу там делать нечего, а лягушек лучше всего ловить ночью. Бакембе и Дада боятся ходить по ночам, а уж о том, чтобы сопровождать меня по болотам, и речи быть не может. Поэтому, пока я брожу по пояс в воде, мои проводники спят. А я тем временем собираю лягушек и подкрадываюсь к западно-африканским карликовым крокодилам, чтобы узнать, насколько близко они меня к себе подпустят, прежде чем скрыться под водой. Иногда мне попадаются карликовые бегемоты. Я возвращаюсь в наш маленький лагерь около полуночи, насквозь промокшая и уставшая. Несмотря на мои протесты, в шесть утра Бакембе и Дада будят меня и потчуют остатками вчерашнего ужина, которые всю ночь простояли на открытом воздухе. В первый вечер они спросили у меня, что приготовить на ужин. Я оставила это на их усмотрение, что оказалось большой ошибкой, потому что они приготовили свое любимое блюдо: фоу-фоу с копченой рыбой. Фоу-фоу – это безвкусная резиноподобная масса из маниоки с водой. Рыбу они поймали в реке и закоптили в корзине над костром. Эту корзину носят с собой с места на место. По пути мухи откладывают в ней яйца. Кусочки рыбы, прилипшие к корзине, начинают гнить. Но поскольку ужинают уже после наступления темноты, вы не видите ни личинок, ни рыбьих голов, и обнаруживаете их, только когда-начинаете пережевывать все это. Отведав это блюдо, я пытаюсь объяснить им, чтобы впредь мне не подавали ничего, кроме консервированной солонины, сардин и риса, но, поскольку французский язык для них является третьим, а для меня – вторым, мои инструкции не всегда доходят до цели. Стремясь угодить и боясь меня обидеть тем, что не понимают, чего я от них хочу, они улыбаются и говорят: «Да, да, мадам», а потом идут и делают совсем не то, о чем я их просила. Мы устраиваем ловушки на маленьких зверьков: роем ямки, опускаем в них ведра, вокруг устанавливаем забор из проволоочной сетки, чтобы направить зверьков в ловушку. Проверка ловушек становится нашим главным занятием по утрам. Но через несколько дней, утром, когда нужно идти проверять ловушки, я вдруг чувствую жуткую слабость. Оказывается, у меня температура 38,9, и я прошу Дада и Бакембе проверить ловушки без меня, а сама остаюсь лежать в хижине. Через некоторое время из состояния полубытья меня выводят возбужденные крики моих проводников: «Мадам, Ньюка! Ньюка!» (Ньюка значит змея, это единственное слово на суахили, которое я знаю.) Они обнаружили змейку в одном из ведер. Они в восторге, так как знают, как это меня обрадует. Не желая дотрагиваться до змеи, они выкопали ведро, и теперь с гордостью подносят его ко мне. Превозмогая головокружение, я разглядываю змею на дне ведра. Я не могу определить, что это за вид, но, судя по чешуйкам на голове, она не ядовитая. Я приподнимаю ее, и она скользит у меня между пальцами. Рассудив, что ведро достаточно глубокое и ей не уйти, я кладу ее обратно, ставлю ведро у изголовья и в изнеможении падаю на циновку. Температура поднимается до 40, и я снова отключаюсь. Через несколько часов я прихожу в сознание от неожиданной мысли. Я была не права насчет чешуек. Змея в ведре, скорее всего, ядовитый бумсланг, у которого даже детеныши смертельно опасны. Просто змея была в тот момент спокойна и пассивна и только поэтому не укусила меня. Меня спасло то, что змея не чувствовала угрозы. У меня болит правая рука выше локтя. Область вокруг ссадины, которую я получила, пытаясь поймать скрывшегося в норе питона, покраснела и припухла. На следующий день жар спадает, но с рукой дело плохо. Надо бы послать Дада в базовый лагерь, но мне не приходит это в голову. На на счастье, начальник лагеря сам приезжает проведать меня. Посмотрев на мою руку, он велит нам всем возвращаться назад. Оказавшийся в лагере ветеринар извлекает из моей руки кусок гниющего мяса размером с теннисный мячик. «Коровы частенько эту гадость цепляют», – утешает он меня. В базовом лагере я продолжаю работать. Охочусь за ящерицами на деревьях, ловлю изредка попадающихся мне жаб, а ночью хожу на болото. После ночных вылазок я просушиваю ботинки на солнце. Пока они сохнут, я брожу по лагерю в мокрых грязных носках.

Однажды ночью я просыпаюсь от острой боли под ногтем на большом пальце левой ноги. Я свечу на ногу фонариком и вижу, что какое-то существо, похожее на свернувшуюся личинку, устроило себе норку между моим пальцем и ногтем. Преодолевая отвращение, я беру щипцы и выдираю его из-под ногтя вместе с мясом. После этого я переворачиваюсь на другой бок и засыпаю. На следующее утро я обнаруживаю, что в палец попала инфекция, а под ногтями других пальцев тоже появились личинки. Со временем я превращаюсь в настоящего эксперта по извлечению личинок из-под ногтей без повреждения ткани и без инфицирования раны. Я пользуюсь острыми, как иголка, хирургическими щипцами, а вот пигмеи делают то же самое при помощи шипа какого-то растения. После того как из-под ногтя извлечена личинка, между ногтем и пальцем остается зазор. Поэтому, когда вы стрижете ногти, со временем они становятся все короче. Я заметила, что у пигмеев почти нет ногтей, и теперь я понимаю почему. Для сбора герпетологической коллекции я прибегаю к испытанному приему: привлекаю местное население к поимке животных за небольшое вознаграждение. Бумажные деньги их не интересуют. Предпочтение отдается сигаретам и, как это ни странно, шариковым ручкам, которые почему-то пользуются у пигмеев огромным спросом. В ход также идут таблетки, причем все равно какие. Все принимается и тут же употребляется. Однако выясняется, что многие из тех, кто приносит мне геккона или жабу, не желают довольствоваться товарной сделкой. Они хотят поговорить, хотят, чтобы их похвалили и расспросили о том, что это за животное и как им удалось его поймать. В результате я получаю огромное количество экземпляров наиболее распространенной в этих местах жабы, *Vufo camerunensis*, большую часть которых мне приносят дети в обмен на воздушные шарики. Но время от времени мне попадает кое-что поинтереснее. Вообще пигмеи стараются избегать змей, однако изредка им удается поймать змею, проткнув ее трезубцем с большого расстояния. Не раз пигмеи будили меня на заре радостными взглядами, размахивая у меня перед носом ядовитой серой древесной змеей, *Thelotomis kirtlandii*, наколотой на гарпун, после чего я, едва продрвав глаза, осторожно снимала бившуюся в ярости змею с зубьев. В течение двух дней я очень удачно ловлю водяных змей в небольшом лесном ручье. Я иду вверх по течению по колено в воде. Периодически мне встречаются маленькие змейки, плывущие вниз по течению в мою сторону. Проблема заключается в том, что здесь водятся два вида водяных змей – безобидная *Grayia* и водяная кобра, *Boulengerina annalata*, укус которой смертелен. И у той и у другой спинку украшают темные поперечные полосы. Я видела таких змей в заспиртованном виде, когда занималась в музее, и знаю, что их можно различить только по чешуйкам на голове. Ко мне приближается маленькая полосатая змейка. Быстро прижав ее посреди туловища к илистому берегу ручья, я склоняюсь над ней. Она шипит и извивается, и мне трудно разглядеть чешуйки у нее на голове. Укус кобры в столь отдаленном районе может стоить мне жизни, но я не хочу упускать этот экземпляр. Я хватаю лежащую поблизости ветку и прижимаю змею к земле еще в одном месте – ближе к шее, после чего быстро передвигаю специальный крюк ближе к ее голове и беру змею в руку. Я рассматриваю чешуйки на голове и понимаю, что передо мной безопасное существо. Я кладу ее в мешочек для змей. Скоро мне уже достаточно одного взгляда, чтобы отличить водяную кобру от неядовитой змеи: полоски у них на спине разные. Я много общаюсь с пигмеями из деревни. У меня есть планы по поводу червяг – это амфибии, похожие на лягушек и саламандр, только подлиннее и без ног. Они встречаются в Западной и Восточной Африке, а вот в центральной части их почему-то нет. Я все же допускаю, что они обитают в Центральной Африке, просто не были обнаружены западными учеными, потому что никто их особенно не искал. Я показываю пигмеям фотографии червяг, привезенные из разных уголков планеты. Чтобы найти их, нужно долго копаться в грязи. Рассудив, что дети все равно часто этим занимаются, я отправляюсь к директору деревенской школы. И вот в один дождливый день я прихожу в школу и рассказываю детям об амфибиях и рептилиях, показываю им некоторые из моих образцов и демонстрирую фотографии червяг, а затем спрашиваю, не видел ли кто-нибудь из них таких живот-

ных. Возбуждение, охватившее детей, передается взрослым. Они берутся за работу и при помощи мачете перелопачивают весь берег, в результате чего у меня в мешке оказывается десяток «двухголовых». Любопытно, что половина из них зеленовато-голубого цвета, остальные – коричневые. Это не червяги, но они в самом деле очень похожи на тех, что запечатлены у меня на фотографиях. Это безногие ящерицы, покрытые твердой чешуей. Вернувшись в лабораторию и как следует изучив их, я прихожу к выводу, что это сцинки, *Feylinia siggigi*, известный вид, но их голубая разновидность никому из исследователей раньше не попадалась. Конечно, это открытие не идет ни в какое сравнение с обнаружением червяг в Центральной Африке, но тем не менее оно удостоивается заметки в журнале «Африканские герпновости». Я отправляюсь в лагерь Мбели, где Иен и Питер ведут наблюдения за семьей горилл с высокого помоста. Это мое последнее путешествие, хотя пока я об этом не подозреваю. Мбели – самый удаленный лагерь. Чтобы добраться до него, нужно переправиться через реку. Я добираюсь до берега только к ночи. Я иду по тропе, и вдруг метрах в пятнадцати от меня появляется горилла. Она идет, опираясь на костяшки пальцев передних лап. Завидев меня, она останавливается на полпути. Это очень крупный самец, даже в полусогнутом положении он примерно такого же роста, как я. Я понятия не имею, как нужно себя вести, когда встречаешься с гориллой. Я выпускаю из руки крюк для змей, решив, что горилла может принять его за оружие, от страха я не могу сдвинуться с места. Через 30 самых долгих в моей жизни секунд горилла пересекает тропинку и скрывается в лесу. Позже Иен с Питером говорят мне, что я действовала правильно. Если бы я побежала, горилла бросилась бы за мной. Я никогда не понимала людей, боящихся змей, пауков, кошек или каких-либо других животных. Если я к кому и испытываю неприязнь, так это к муравьям, особенно к тем, которые обитают в Центральной Африке. Идешь по лесу, и вдруг до тебя доносится какой-то треск. Гремучая змея? Но в Африке они не водятся. Смотришь вниз и видишь движущийся ковер из крупных муравьев. Ты еще только заметил их, а они уже заползли к тебе в штаны и начинают преобильно кусаться. Остается только одно. Бежать. Бежать и бежать до тех пор, пока не убежишь подальше от этого ковра, затем раздеться донага и постараться снять с себя муравьев, которые уже вонзили в тебя свои челюсти. Иногда, когда пытаешься отодрать от себя очередного муравья, у него может оторваться голова, а его челюсти все равно продолжают впиваться в твою плоть. Однажды несметные полчища муравьев приходят в лагерь Мбели. Я заглядываю в палатку и вижу, что внутри она вся черная от муравьев. Мы бежим в лес. Иен и Питер говорят, что им это уже не впервой. Мы ждем полчаса, после чего возвращаемся. Все именно так, как они и говорили. Муравьев как не бывало, впрочем, как и всего съестного, кроме консервов. В палатке я нахожу одного-единственного мертвого муравья и больше никаких следов того, что всего несколько минут назад здесь были полчища насекомых. На четвертый день пребывания в лагере Мбели мне становится плохо. Меня беспокоит нога: я оцарапалась, когда упала, споткнувшись о корягу. Я иду по лесу с катушкой ниток и разматываю нить, чтобы потом по ней найти дорогу назад, вместо того чтобы брать с собой пигмеев в качестве проводников. У меня начинает кружиться голова, царапина на ноге распухла. Я принимаю решение вернуться в лагерь. Однако к этому времени меня уже шатает из стороны в сторону, и мне кажется, что деревья начинают кружиться. Я иду, не выпуская нити из рук. Если я ее потеряю, то заблужусь, а если я заблужусь в лесу, я погибну. Когда я наконец выхожу к лагерю, мне уже так плохо, что я даже не испытываю облегчения. Я заползаю в свою палатку и падаю. В голове кружатся какие-то мысли. До этого я не знала, каково это, когда закипают мозги, но теперь знаю. Я умираю. Я не хочу умирать – я ещё так молода. Нельзя выпускать из рук нить. Через несколько часов я немного прихожу в себя благодаря Иену, который, оказывается, разыскивал меня. Он измеряет мне температуру и изо всех сил делает вид, что все в порядке. Я послушно глотаю две таблетки аспирина и две таблетки амоксициллина. Иен и Питер думают, что у меня малярия, и решают, что самое главное сейчас – сбить температуру. Питер переносит меня в их хижину, где они снимают с меня большую часть

одежды, смачивают тело водой и обмахивают меня блокнотом, пытаюсь сбить жар. Они делают это по очереди всю ночь, меняясь каждые два часа. Наутро жар спадает, но я испытываю мучительную боль в левой ноге, которая покраснела и опухла. Одного из пигмеев посылают в базовый лагерь с просьбой подогнать грузовик как можно ближе. Питер относит меня в лорасу и переправляет через реку. За несколько последующих дней я выпиваю, как мне кажется, практически весь ассортимент имеющихся в базовом лагере лекарств, включая антибиотики с истекшим сроком годности, но моя нога по-прежнему красная и так распухла, что кожа того и гляди лопнет. Что бы я ни принимала, вверх по ноге продолжает распространяться краснота. Моя левая нога в два раза толще правой, и в лагере шепотом поговаривают об ампутации. Те 97 долларов, которые я заплатила за страховку на случай медицинской эвакуации, оказались самым дельным вложением денег в моей жизни. Радио снова работает, и начальник лагеря договаривается, чтобы меня на самолете доставили из французского поселка лесозаготовителей в больницу в Камеруне. Но мне придется уехать без моих драгоценных образцов. Мне обещают прислать их – это только вопрос времени. Я стараюсь поверить в это. Я бросаю прощальный взгляд на Конго из иллюминатора маленького самолета, принадлежащего лесозаготовительной компании. Моя нога со временем заживет, но желание вернуться к этим высоким деревьям, к этим болотам, в которых кипит жизнь, и завершить начатую работу уже не покинет меня. Шесть месяцев спустя я получаю большую посылку из Африки – мои образцы! Они сдержали свое слово. В Камеруне я десять дней провела в больнице города Дуала. С помощью самых незамысловатых средств местные врачи полностью вылечили меня от бактериальной инфекции, перешедшей в сепсис. Шрама на ноге уже почти совсем не видно. Когда я получила счет за медицинское обслуживание, оказалось, что общая сумма за десять дней пребывания в больнице, операции, лекарства и все остальное составляет всего 500 долларов. Все собранные мною образцы были признаны ценными для науки, поскольку до сих пор никто не знал, какие виды обитают в этом удаленном районе. Воздержавшись на некоторое время от полевых работ и погрузившись в книги, я защитила докторскую диссертацию в Гарварде, после чего вернулась в свой родной Торонто, где занималась исследованием физиологии крокодилов. Но я не отказалась от мысли вернуться в Центральную Африку. Хорошо помню о том, как трудно мне было идентифицировать образцы, через восемь лет после моей первой поездки я снова отправилась в Конго, чтобы составить справочник по змеям Центральной Африки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.